

Директор Вологодской областной картинной галереи Владимир Воропанов - личность загадочная. "Не в себе", - считают многие. А кое-кто добавляет словеса и по-круче: "космополит", "жидомасон", "изувер" и так далее. А все потому, что Воропанов всегда идет против течения. В местной картинной галерее он делает это с 1978 года. Например, вахтерш и гардеробщиц подбирает несколько лет. Требовал одно - улыбаться. Какая-то бабулька уволилась с криком: "Изверг! Чему он меня учит! Я не из таких!.."

Как не пыталась соцсистема поднять его революционный характер, Владимир Валентинович гнул свое. Он уверен, что в этом ему помогают его корни.

Те самые "Воропашки". Фото начала XX века.

Корневица

Активно самокопаясь, Владимир Валентинович еще в юности пришел к выводу о двух линиях, которые определили его "несносность". Первая - "городская" - осталась в памяти вологжан прекрасной булочной. Этот семейный бизнес принадлежал Александру Воропанову (ударение на втором слоге), деду нашего героя, который прошел первую мировую и был инициатором пожарного дела в Вологде.

Видимо, поэтому его Советская власть поучила умразуму не столь активно, как могла бы. Дед немного отсидел и был для острастки лишен гражданских прав. А вот булочную Советы сохранили. Она закрылась только в 60-е годы. Так и говорили вологжане: "Пошли к "Воропашкам".

Другая ветвь - крестьян из Семигорода - лучше приспособилась к новым порядкам. Дед пошел в ОБХСС и показал себя беспощадным опером, разоблачая таких, как булочник Воропанов. Несмотря на классовые несовпадения, ветви сосуществовали мирно.

ЖЗЛ

Вся жизнь Владимира Воропанова пронизана Именами. Тетя отца была вологодской подружкой Сталина. Галина Шевелева, подруга другой тети, французенка, долго скрывала свое генеалогическое древо. И было от чего: дед ее хоть и прибежал после Парижской коммуны в Россию строить коммунистическое будущее, отец работал шофером у Керенского.

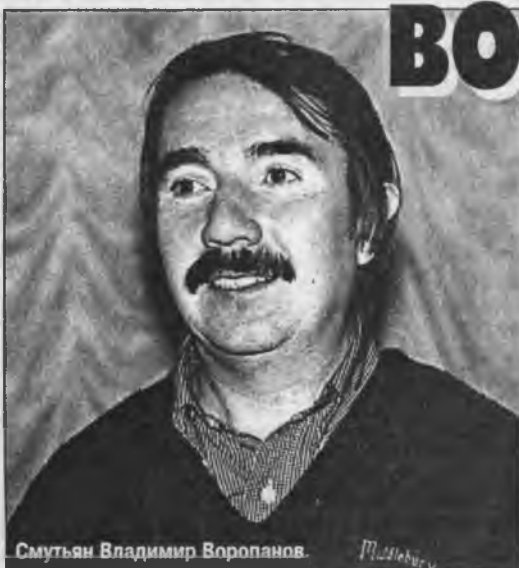
Сам Воропанов ходил в детсад в деревне Никола, знаменитый еще одним воспитанником - Николаем Рубцовым. Средняя школа №2 в Вологде, где Володя проучился 10 лет после переезда родителей в областной центр, дала иной творческий заряд - Вову учили писательские жены. Галина Викулова, Ольга Белова, Анастасия Романова поражали своими нарядами, которые меняли каждый день, и устраивали для учеников творческие встречи с мужьями.

Судьбоносный душ

Воропанов со школьных лет был "белой вороной". В то время как другие читали на конкурсах стихи Агнии Барто, Вова выдавал бунтаря Евтушенко. То он показывал таланты в рисовании, то ставил рекорды на коньках... Выбрать жизненный путь ему помог... душ. Кстати, до сих пор самые важные мысли приходят Владимиру Валентиновичу именно под хлесткой водой.

Просохнув от "решающего" душа, Володя, несмотря на конкурс 70 человек на место, поступил в питерский университет. Кафедра истории искусств в мажорные 70-е давила обширным курсом истории КПСС, диамата и спецдисциплинами, напичканными все тем же соцсодержанием. Зам. декана, бывший матрос Саранкин, тряс кулаком: "Нам герои тут не нужны!"

В тихом омуте Воропанов водится...

Смутьян Владимир Воропанов.

Дед Александр Николаевич.

В общем, Владимир стал изучать искусство непосредственно в музеях, библиотеках и божественной среде. К прогулам лекций добавился еще один грех - он захипповал. Его было видно издали: обросший, всегда ходил в черном, штаны, подпоясанные веревкой и "лохматые" внизу. Все восемь лет (с аспирантурой) его регулярно пытались выгнать из университета.

Как-то после выставки мексиканских художников он нарисовал ощущения от Ривьеры на стенах комнаты в общежитии. К буйству красок добавил символ Христа и любимый отрывок из Библии. Был жуткий скандал.

Воропанова выслали бы в Вологду, не заступился его научный руководитель профессор Милентий Малышев. Всех своих регалий Милентий Олегович достиг после войны, потому что был разведчиком, засланным в немецкую разведшколу еще до начала войны. Его не расстреливали и в мирное время, пока какая-то женщина на улице не узнала его и не кинулась с криком: "Фашист! Фашист!" Тогда КГБ санкционировало появление статьи в журнале о подвиге советского парня с интересным именем.

Короче, у Малышева были связи там, где нужно. Ему даже удалось поспособествовать выезде неуемного Воропанова в Венгрию.

«Home! Sweet home!»

Его наставник умер от разрыва сердца - даже бывший разведчик не смог вынести подковерную склоку за пост, который он занимал. После смерти Малышева его противник водрезился на освобожденное место и издал книгу "Смольный в изоб-

разительном искусстве".

Воропанов не защитился. Ему предлагали в качестве руководителя "приемника" Малышева, но Владимир отказался. Воропанову предлагали работу в Русском музее. Зав. отделом гравюр специально не уходила на пенсию, ждала талантливого мальчика на замену. Но... прописка решила все. "Езжайте к себе, церкви есть и в Вологдах", - напутствовали его старшие "товарищи".

Вологда встретила его тишиной. Картинная галерея, куда он устроился экскурсоводом, - чаепитиями: утренними, обеденными,

щадя искусства на Кремлевской площади, привозит интересных художников, налаживает связи с Москвой...

Вологодская общественность отреагировала на его деятельность быстро. Посланник из писательской организации, тряс седой бородой, обвинил его в связях с буржуазными наймитами. "Кто такие Шагал и Малевич? Где наши вологодские художники? Только настоящие, а не эти блудники Пантелеев и Корбаков!"

Когда Воропанов с 1991 по 1995 годы стал каждое лето работать в Америке в Русской школе Мидлбери,

«Общественность отреагировала быстро. Посланник из писательской организации, тряс седой бородой, обвинил его в связях с буржуазными наймитами: «Кто такие Шагал и Малевич? Где наши вологодские художники? Только настоящие, а не эти блудники Пантелеев и Корбаков!»

послеобеденными и вечерними. Их Владимир игнорировал. Он заперся в кандейке и печатал планы новых экскурсий. Под дверью собирались чаевницы и, давась выпитой жидкостью, возмущались: "У-у, мы честно работаем, а он общественную машинку амортизирует!"

Володя обрезал длинные волосы и надел костюм, но принципам не изменил. Он активно сопротивлялся вологодскому "аквариуму" с его вялотекущим образом жизни. "Живи, как все, - слышал он от мамы и ее подруг. - Дача, лужок, плодись-размножайся!"

«Наймит»

20 лет Владимир Валентинович борется со сладкой тишиной: делает дерзкие программы, мечтает о Пло-

организованной графом Воронцовым-Дашковым, по "творческому кругу" пополз слух: "Продался! Теперь уедет к своим хозяевам!"

Особенно не вникали в то, что там он преподает историю русского искусства, что он не напрашивался, а был приглашен самим графом-директором школы. Тот услышал о вологодском энтузиасте от советника Посольства США по культуре Рая Бенсона, подружившимся с Воропановым во время своих визитов в Вологду.

Рей, друг Ахмадуллиной, Мессерера, Ерофеева, был впечатлен познаниями Владимира Валентиновича. Это знакомство Воропанов скрывал. Он тайком встречался с семьей Бенсонов в Москве и тайком переправлял американцев на багажном самолете в Тотьму.

«Нормальный русский!»

В первый год Русская школа поразила Воропанова элитными учениками: за партами сидели профессор, богослов, доктор литургики, советологи...

Сначала Владимира Валентиновича проверяли "на вшивость". А потом радостно вздохнули: "Наконец-то нормальный русский!" Оказывается, до него там работали посланцы из России, которые читали лекции по бумажкам. Американцы не знали, как им реагировать на такую "академическую халву с кэбэшным душком", и просто не приглашали их на следующий год. Воропанов их порадовал.

Но позже на него свалилась новая напасть. А точнее, опять русские. Сам граф Воронцов-Дашков приговаривал: "Русской школе хорошо (в смысле прибылей), когда в России очень хорошо или же очень плохо". Горби обнадежил Америку до такой степени, что все бросились познавать Россию. В 95-м Ельцин разочаровал американцев, и в Русскую школу стали принимать русских, которые хотели бы получить диплом за деньги, особо не утруждаясь. На них Воропанов и погорел.

Тринаши тетки, вышедшие замуж за американских офицеров, написали на преподавателя истории искусств жалобу. Короче говоря, наступали. Они обвинили Воропанова в "сексизме" - что он их дискриминирует по половому признаку.

Дело в том, что им дали кредит на учебу с одним условием - получить диплом с отличием. И женщины сразу заявили педагогу: "Нам нужны оценки, а не русское искусство. Мы это ненавидим и будем ненавидеть".

Воропанов поставил им тройки. Тогда кумушки написали, что он на них как-то не так смотрит, а иногда вообще не смотрит, а порой ТАК посмотрит! Смешно? А Воронцов-Дашков, понимая, в чем истинная причина конфликта, все же не продлил контракт. Сексизм в Америке - это чума, сам граф во избежание возможных скандалов привык разговаривать с женщинами с открытой дверью в кабинете.

Коллеги Воропанова не поддержали. Повыступав с гневными речами, они по отдельности подходили к жертве нелепых обвинений и говорили: "Ну пойми, ты уедешь в свою Россию, а нам есть что-то надо".

Космополит

И все же Владимир Воропанов любит Америку. Там у него много друзей, например, Ширли Бенсон, американская подруга Фазиля Искандера, Вячеслава Иванова, Анатолия Рыбакова, у которой в доме отлеживался после инфаркта Окуджава, и которая сейчас переводит мемуары сына Хрущева...

15 сентября директор Вологодской областной картинной галереи Воропанов уехал в США по приглашению Национального музея женщин в искусстве. Ученому из России предложили на выбор знакомство со всеми музеями Америки. Фонд Рокфеллера выделил стипендию для оплаты дороги и проживания.

Несмотря на свою неспокойную жизнь, бунтарь Воропанов всегда хотел работать в тихом и уютном уголке. Только мечтая о тишине в горах Америки, он вопреки злым прогнозам неизменно возвращается домой.

Марина Чернова.